

**В. М. Складенко, И. А. Рудычева,
В. В. Сядро**
**50 знаменитых загадок истории
XX века**

Гулльский инцидент и Цусима

Наша история, как ни странно, изобилует «белыми пятнами», и разобраться в них непросто. Один из таких эпизодов, являющийся предметом долгих споров историков, — это печально известный Гулльский инцидент, случившийся во время Русско-японской войны. Он является наглядной иллюстрацией того, к чему приводит столь свойственный нам всем принцип «авось» и неадекватная оценка ситуации. Не меньше загадок хранит и морское сражение, произошедшее у острова Цусима во времена все той же Русско-японской войны.

Гулльским инцидентом принято называть скандальные события, связанные с неудачным походом 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала З.П. Рожественского. Еще в первые месяцы Русско-японской войны стало ясно, что Российская

империя абсолютно не подготовлена к этому конфликту и не имеет в районе театра боевых действий необходимых сил. Здесь сказались и неоправданная самоуверенность царского правительства, и опасная недооценка сил противника. В результате чего для русской эскадры, базировавшейся в Порт-Артуре, в течение первых двух месяцев войны на море сложились крайне неблагоприятные условия. В свое время правительство никак не отреагировало на заявление адмирала О. С. Макарова, который тогда исполнял обязанности командующего дальневосточным флотом, о том, что русская эскадра значительно уступает японской, особенно по количеству миноносцев и крейсеров. И с началом военных действий эскадра начала нести огромные потери и уступила лидерство на море японцам. Только после этого правительство Российской империи озаботилось усилением своих военно-морских сил на Дальнем Востоке. Новый командующий Тихоокеанским флотом адмирал Скрыдлов сумел добиться посылки на восток крупных подкреплений. А в 1904 году было решено отправить туда же с Балтийского моря еще одну эскадру, получившую название 2-й Тихоокеанской. В ее состав должны были войти только что построенные корабли, часть судов Балтийского флота (несколько устаревших, но еще пригодных к

боевым действиям) и 7 новых крейсеров, закупленных за границей. Четыре новых броненосца носили названия «Александр III», «Князь Суворов», «Бородино», «Орел». Причем лишь «Александр III» успел пройти испытания, сойдя со стапелей в 1903 году. Остальные же три корабля были закончены уже после начала боевых действий, так что о полноценном «прогоне» не могло идти и речи. На «Орле», например, не были проверены батареи крупнокалиберных орудий. Все новые суда могли развивать солидную по тем временам скорость — до 18 узлов. Но перед походом на Дальний Восток их очень перегрузили запасами продовольствия и боеприпасов. К тому же на броненосцы были установлены вспомогательные приспособления, не предусмотренные проектом. В результате осадка кораблей увеличилась на 0,9 м против запроектированной, но за счет этого водоизмещение каждого судна увеличивалось на 2000 тонн. Такие нарушения проекта не могли не привести к нарушению остойчивости суден и, в конечном счете, к уменьшению живучести броненосцев. Кроме того, в состав эскадры входил современный, но уже неоднократно побывавший в плаваниях «Ослябя», у которого была достаточно слабая броня да и вооружение оставляло желать лучшего: вместо 305-миллиметровых орудий были установлены 256-миллиметровые. Эскадру также

дополняли старые броненосцы «Наварин» (орудия у него были 305-миллиметровые, но недальнобойные) и «Сисой Великий», чья скорость едва дотягивала до 16 узлов. Не лучше выглядел и старый броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» с его 203-миллиметровыми пушками.

Таким образом, 2-я Тихоокеанская эскадра представляла собой просто сборище кораблей, очень отличавшихся по вооружению, скорости, уровню защиты и маневренности. Большая часть судов была морально устаревшей, а новые корабли имели дефекты постройки. Закрепленные за 2-й эскадрой крейсера тоже заслуживают особого упоминания. «Аврора» и «Жемчуг» только что были спущены на воду, а вот «Олега» и «Изумруд» доводили до ума уже после выхода эскадры в море, и поэтому им пришлось догонять ее в пути. Кроме этих судов на Дальний Восток отправился и «Алмаз» (это вообще была просто вооруженная яхта, пригодная разве что для патрулирования!), а также дряхлые посудины «Светлана» и «Дмитрий Донской». Кстати, «Жемчуг» и «Изумруд» могли развивать скорость до 24 (!) узлов, однако были практически незащищенными. «Олег» с его палубным бронированием в 106 мм разогнался до 23 узлов, «Аврора» при такой же защите могла выдавать лишь 20 узлов (как и «Светлана»), а «Алмаз» — только 18. Но и он казался спринтером

по сравнению с тихоходным и дряхлым «Дмитрием Донским». То, что подобная «команда» является недостаточно сильной, было ясно и дилетанту. Поэтому правительство спешно дополнило состав эскадры пятью быстроходными разведчиками: вооруженными пароходами «Кубань», «Урал», «Терек», «Днепр» и «Рион», которые получили гордое название вспомогательных крейсеров. Они присоединились к эскадре, догнав ее где-то в районе Мадагаскара, и, честно говоря, не очень повысили ее боеспособность. К тому же в составе 2-й эскадры было явно недостаточно миноносцев. Их насчитывалось всего девять: «Бравый», «Бодрый», «Быстрый», «Бедовый», «Бурный», «Блестящий», «Безупречный», «Грозный» и «Громкий». Все они могли развивать скорость до 26 узлов, но имели на бортах всего по три торпедных аппарата. Все это «великолепие» дополнялось специально оборудованным пароходом-мастерской «Камчатка» (на случай экстренного ремонта судов) и плавучей базой из нескольких транспортов с грузами различного назначения. Собственно, эта эскадра должна была лишь усилить порт-артурскую, поскольку для решения самостоятельных задач была недостаточно сильной. Подготовить это «подкрепление» к переходу на Дальний Восток было поручено контр — адмиралу З. Рожественскому, который на тот

момент занимал пост начальника Главного морского штаба. Он же стал командиром 2-й эскадры. Ближайшими помощниками Рожественского были назначены младшие флагманы контр-адмиралы Фелькерзам и Энквист.

Решение о подготовке похода этой эскадры правительство приняло в апреле 1904 года, однако работы по ремонту старых судов и достройке новых требовали много времени, поэтому из Кронштадта в Ревель подразделение вышло лишь 29 августа. В Ревеле корабли простояли еще около месяца, после чего были переправлены в Либаву, куда подвезли запасы угля и различных материалов. Таким образом, в поход на Дальний Восток эскадра вышла только 2 октября, и то не в полном составе. Кроме двух крейсеров, к переходу оказались не готовы часть миноносцев и транспорты. Они догоняли эскадру каждый в отдельности, по мере завершения подготовки.

Следует также отметить, что ни офицеры, ни команда не имели времени досконально изучить корабли, на которых им предстоит служить. В командах было много необстрелянной молодежи — офицеров, досрочно выпущенных из морского кадетского корпуса. Хватало там и призванных из запаса моряков торгового флота. Понятно, что часть экипажей не имела ни опыта, ни достаточных

знаний, а другие либо успели благополучно все забыть, либо не имели военной подготовки.

Заметим, что перед началом похода эскадра ни разу не выходила в плавание полным составом, число проведенных стрельб и торпедных атак было минимальным (не иначе, как боеприпасы сэкономили). Даже торпеды к походу как следует не подготовили! В результате при первой же попытке выстрелить большая часть снарядов попросту затонула. К тому же даже штаб командующего эскадрой не имел жесткой организации, начальника и, честно говоря, особого авторитета.

На пути к новому пункту назначения кораблям предстояло преодолеть около 18 000 миль. И на всем этом отрезке Россия не имела ни единой собственной базы. А ведь необходимо было обеспечить команду кораблей едой, водой, топливом. Кроме того, вставал вопрос ремонта и охраны судов от нападения противника. К тому же осадка новых броненосцев просто не позволяла преодолеть Суэцкий канал без предварительной разгрузки. Но на это ушло бы слишком много времени, поэтому эскадра разделилась: часть судов пошла через Средиземное море, а большие суда командующий эскадрой повел вокруг Африки. При этом Рожественский опасался просить разрешения на заход эскадры в чужие порты, поскольку это сразу же выдало бы, куда она направляется. Все это

не могло не вызвать определенных осложнений (со сроками стоянок, снабжением кораблей углем, водой, провизией).

Но, несмотря на обстановку секретности, поход такого крупного морского подразделения не мог остаться незамеченным. Пресса всесторонне обсуждала этот вопрос, а значит, у японцев было время, чтобы создать на пути русских кораблей массу препятствий, а то и вообще организовать нападение. Поэтому правительство выделило для наблюдения и охраны наиболее опасных районов на пути следования эскадры (в Датских проливах, Суэцком канале и Красном море) 300 000 рублей.

Но вернемся к началу похода. В начале октября петербургский Главный морской штаб получил сведения о том, что на 2-ю эскадру в Северном (Немецком) море будет совершено нападение. Тогда адмирал Рожественский разделил подразделение на шесть отрядов. Они следовали друг за другом на расстоянии около 30 миль. Первыми шли два отряда миноносцев, за ними — два отряда крейсеров. И только потом шли броненосцы — самая ценная часть эскадры, причем, в первом отряде броненосцев были устаревшие суда, а во втором — только что сошедшие со стапелей.

Заметим, такая дистанция между группами судов считается угрожающе малой: в случае

непредвиденной задержки корабли в ночное время вообще могли столкнуться. При этом головные отряды не получили задания осуществлять разведку пути, связь не была организована, главные силы эскадры шли вообще без охранения. Все это не отвечало требованиям организации перехода эскадры в военное время. И вряд ли адмирал Рожественский, принявший такой походный порядок, был не в курсе этого.

Итак, отряд новых броненосцев, с которыми шел Рожественский, снялся с якоря 8 октября в 22.00. В 12.55 9 октября он подходил к району Доггер-банки. А буквально за несколько минут до этого плавучая мастерская «Камчатка» по радио оповестила всех о том, что на нее совершено нападение миноносцев: атака велась со всех сторон, атакующих кораблей было восемь.

Через какое-то время радиостанции 2-й эскадры внезапно поймали сообщение с «Камчатки». Она просила броненосцы обозначить свой курс прожекторами, чтобы можно было их догнать. Но Рожественский не был уверен в том, что на связи находится один из его судов, а не ушлый противник, и потому лишь предложил транспорту держаться «ближе к Доггер-банке». Наконец броненосцы и сами подошли к вышеупомянутому месту. Внезапно впереди они обнаружили силуэты каких-то кораблей. Те при

полном отсутствии огня шли наперерез броненосцам. Броненосцы, восприняв ситуацию как атаку, открыли огонь. Когда же зажглись прожекторы, оказалось, что военная эскадра расстреляла английские рыбацьи суда. После этого слева от броненосцев возникли силуэты еще каких-то кораблей. И снова броненосцы начали стрельбу. Правда, буквально после первых же выстрелов обнаружилось, что русские моряки поливали огнем своих — «Дмитрия Донского» и «Аврору». Последняя получила несколько пробоин, среди членов ее команды были раненые.

Эскадра незамедлительно прошла Ла-Манш и 13 октября остановилась в испанском порту Виго, где и находилась до разрешения конфликта между Англией и Россией. Дело в том, что в причастности к Гульльскому инциденту сразу же стали подозревать Англию: эта страна находилась в союзе с Японией и всячески демонстрировала свою враждебность Российской империи. Вполне возможно, что союзники попросту прибегли к провокации, которая должна была задержать продвижение 2-й эскадры, что, в свою очередь, далеко не лучшим образом отразилось бы на положении России на Дальнем Востоке. Тем более, что английские газеты поспешили раструбить о том, что корабли, принадлежавшие России, не оказали пострадавшим необходимой помощи.

Конфликт грозил перерасти в открытое столкновение. Поэтому адмирал Рожественский согласился на проведение международного расследования Гулльского инцидента.

Результаты работы международной следственной комиссии, в состав которой входили представители ОТТА, Великобритании, России, Франции и Австро-Венгрии, не пролили свет на события того дня. За два месяца специалисты так и не смогли установить, кто же именно атаковал суда 2-й эскадры. Зато на голову Рожественского посыпались многочисленные обвинения в том, что он оставил расстрелянных им рыбаков без помощи, ведь якобы опасности для русских кораблей не было.

Кстати, хотя Международный трибунал и признал Россию виновной в Гулльском инциденте, с нее было снято обвинение в «порочащих моряков действиях»¹: специалисты признали, что в данном

¹ Интересно, что после инцидента в Доггер-банке правительство Англии закатило России натуральную истерику и откровенно угрожало разрывом дипломатических отношений. Но поскольку на тот момент для России худой мир действительно был лучше доброй ссоры, она сделала все возможное, чтобы конфликт замять. Все убытки были возмещены, а семьи погибших и раненых рыбаков получили от русского правительства пожизненные пенсии.

случае угроза нападения со стороны японских кораблей была вполне реальной. Тем более, что у Доггер-банки действительно был обнаружен неизвестный миноносец, который позже скрылся с места трагедии. А несколько позже рыбаки выловили там же сильно поврежденную торпеду германского производства — детище завода Шварцкопфа. Это, по мнению немецкого историка Г. Гейндорна, свидетельствует о том, что к инциденту могли приложить руку и его собственные соотечественники. И действительно, события на Доггер-банке были выгодны германским милитаристам. Немецкие газеты пестрели радостными статьями о том, как русские «сели в лужу», они предвкушали возможный военный конфликт между Россией и Англией, который заставил бы русских буквально разрываться, ведь появилось бы два фронта — восточный и западный. Собственно, именно этого и добивался кайзер. Международный трибунал был явно в курсе дела, и хотя кайзеровское правительство и не взяло на себя ответственность за Гулльский инцидент, приговор в отношении российских моряков был максимально мягким.

Что же на самом деле произошло на Доггер-банке? И что за призрачные миноносцы атаковали «Камчатку»? В том, что это были боевые корабли, сомневаться не приходится. Уже после

ухода эскадры, когда русские корабли находились в порту, на Доггер-банке, как мы уже упоминали, видели поврежденный миноносец. Кому же он принадлежал? В ходе расследования прозвучала версия, что рыбаки приняли за миноносец «Камчатку». Однако, по утверждению военных специалистов, плавучая мастерская «Камчатка» так же напоминала миноносец, как носорог котенка. И с ним согласились! Но тогда кому принадлежал этот корабль?

Существует, по меньшей мере, два интересных свидетельства об этом инциденте. Первое — рассказ германского моряка. В ночь на 1 января 1906 года броненосец «Цесаревич» стоял в порту Циндао, принадлежавшем в то время Германской империи. На празднование Нового года были приглашены и немецкие офицеры с кораблей, находившихся в том же порту. Один из них рассказал, что во время Гулльского инцидента под огонь попали миноносцы германского флота. Дело в том, что на германских миноносцах было по три трубы, а ведь именно трехтрубный корабль стал «зачинщиком» ночной перестрелки! Разумеется, не в интересах Германии было разглашать причастность своего флота к международному скандалу. Поэтому император Вильгельм II сделал все возможное, чтобы информация о немецких

кораблях и их роли в Гулльском инциденте никогда не всплыла.

Второе свидетельство оставлено также моряком, но уже японским. О нем упоминает один из офицеров русского флота, который оказался в одном госпитале с бывшим командиром японского миноносца. Японский моряк был немногословен. Однако дал понять, что японские корабли шли по следу Тихоокеанской эскадры, и именно их видели русские моряки в ту злосчастную ночь. Возможно ли, что японские корабли оказались на Доггер-банке? Такую возможность полностью исключать нельзя. Из газетных сообщений тех лет можно узнать, что миноносцы для флота микадо строились на британских верфях. В Японию им еще предстояло добраться. Так что их появление на курсе русской эскадры не кажется таким уж невероятным.

История не сохранила имен обоих рассказчиков. Поэтому их свидетельства солидные историки не склонны воспринимать всерьез. Вероятно, мы уже никогда не узнаем, какая из версий — официальная, «немецкая» или «японская» — ближе к истине.

А теперь поговорим о Цусиме. Еще в 1904 году хорошо известный всем, кто когда-либо интересовался историей, Порт-Артур был взят в осаду. После этого начальник Тихоокеанской

эскадры контр — адмирал В. К. Витгефт получил распоряжение идти во Владивосток. В Желтое море русские суда вышли 10 августа и почти сразу же столкнулись с кораблями Японии, которыми командовал адмирал Х. Того. Начался бой. В ходе неудачного маневра японские корабли отделились от российских, и поэтому бой был возобновлен только через два часа. Японцы старались в основном вывести из строя флагманские броненосцы «Пересвет» и «Цесаревич», но и остальным судам изрядно досталось. Правда, надо отдать должное и русским морякам, которые в долгу не остались...

Можно сказать, что дальнейший исход событий решил его величество случай. Дело в том, что флагман, на котором находился Того, получил серьезные повреждения и собирался выйти из боя. Но в тот момент, когда было принято это решение, в броненосец «Цесаревич» попал крупный снаряд. Большинство старших офицеров и сам Витгефт погибли. Буквально через несколько минут корабль в результате еще одного попадания потерял управление и был вынужден покинуть строй. После этого потрепанная эскадра поспешила выйти из сражения и вернуться в Порт-Артур. Однако несколько судов, среди которых был и флагманский броненосец «Пересвет», не были способны на такой

переход и поэтому ушли в ближайшие нейтральные порты, откуда позже были интернированы.

Тем временем в Петербурге было принято решение отправить на помощь в Порт-Артур 2-ю и 3-ю Тихоокеанские эскадры. Первой командовал, как читатель уже знает, адмирал З. Рожественский, второй — контр-адмирал Н. Небогатое. Кстати, под началом последнего находились всего лишь выдавший лучшие времена крейсер и четыре устаревших броненосца. А 2-я эскадра вообще в результате так называемого Гулльского инцидента застряла в испанском порту Виго... В общем, 14 мая 1905 года русская армада, в составе которой насчитывалось 38 разношерстных судов, попыталась войти в Цусимский пролив — и снова попала в настоящую мясорубку. Весь день и ночь русские корабли вели бой, который продолжился и 15 мая. В итоге, японцы отправили на дно 21 корабль русской эскадры, среди которых были и три новейших броненосца. Еще пять кораблей сдались в плен, а шесть успели уйти в нейтральные порты. И только два маленьких миноносца и самый слабый из крейсеров, «Алмаз», каким-то чудом сумели добраться до Владивостока. И при этом японский флот потерял всего три миноносца...

Настолько страшного, разгромного поражения в истории российского флота не было ни до, ни после Цусимы. Что же обусловило такое развитие

событий? Историки до сих пор точно не определились с ответом на этот вопрос. Тогда сообщение о разгроме Тихоокеанской эскадры у всех специалистов военно-морских сил вызвало немое изумление. Дело в том, что в течение года войны оба противника осторожничали, намеренно в столкновения на море не лезли и пользовались, в основном, сухопутными крупнокалиберными орудиями и якорными минами. Смешно сказать, но за это время корабельная артиллерия как России, так и Японии не пустила на дно ни единого судна. И тут буквально в течение суток с небольшим погибли 5000 русских моряков.

Конечно, моряки и офицеры 2-й Тихоокеанской эскадры прекрасно понимали, что в их ситуации и с такой техникой на победу рассчитывать нельзя. Но и смертниками они себя не чувствовали. Офицеры верили: им удастся прорваться во Владивосток, хотя, вероятно, будут большие повреждения. Да что там говорить! Ни один моряк даже предположить не мог, что русский флот будет попросту уничтожен. И сам ход войны, и результаты сражения 10 августа 1904 года говорили о том, что Рождественскому для прорыва во Владивосток следует лишь удерживать курс и строй, учитывая ошибки командования эскадры Порт-Артура.

После Цусимы Того стали называть «азиатским Нельсоном». Но не был ли он и сам удивлен исходом грандиозного сражения и чем мог объяснить его результаты? Ответы на эти вопросы так и не были получены. Хотя, пожалуй, ни одно сражение броненосных флотов специалисты не исследовали с такой дотошностью. Особый интерес вызывал тот факт, что у Цусимы впервые в истории флота артиллерийским огнем была уничтожена основная ударная сила любого флота — эскадренные броненосцы. Именно их гибель и привела к разгрому более легких судов.

Но, по всей видимости, на дно русские корабли отправляли не только бортовые орудия японцев. Командир крейсера «Олег» Л. Добровольский первым заговорил о том, что в Цусимском сражении приняли участие несколько японских субмарин. И именно на их счету — трагическая судьба «Наварина», «Ослябли» и «Сисоя Великого»... Так ли это было на самом деле? Мнения специалистов здесь расходятся. Но, по всей видимости, Добровольский не даром впоследствии стал одним из приверженцев идеи создания в России мощного подводного флота.

Но большинство очевидцев того сражения, которым посчастливилось остаться в живых, свидетельствовали: артиллерийский огонь японских судов не был похож ни на что, виденное ими ранее.

«Казалось, не снаряды падали на палубу, а мины», — вспоминали моряки. Броня разлеталась в клочья, а в местах попадания снарядов вообще плавилась. К тому же на судах воспламенялось все, что было способно гореть. Во все стороны разлетались осколки, над палубами стлался удушливый дым. Все это дало основание специалистам предположить, что в ходе сражения у Цусимы японцы впервые применили новое оружие, которое стали называть «жидким огнем». Так, французские исследователи А. Шталь и Ж. Блон предположили: японцы использовали новый тип бронебойных снарядов. Скорее всего, они снаряжались неизвестным для русских приспособлением со взрывным действием. Если это так, то судьбу Цусимы решили именно эти боеприпасы. Но тогда почему в ряде других сражений японцы не воспользовались этим своим преимуществом? Может, дело тут в буквально ювелирном, предельно точном и рациональном маневрировании «азиатского Нельсона», неизменно уводившего свои суда из-под обстрела и в то же время дававшего возможность стрелять своим артиллеристам? Но с этой версией специалисты тоже не согласны. Например, знаменитый «поворот Того», который привел к бою судов на сходящихся курсах, многие исследователи называют явной ошибкой адмирала. Ведь он заставил свои корабли

проходить буквально по «горячему коридору», при этом сдваивая строй, что, в свою очередь, затрудняло маневрирование при уклонении от огня русских орудий. Так ли это, неизвестно, но победителей, как говорится, не судят...

Еще одна версия принадлежит английскому исследователю Дж. Вествуду. Он считает, что Того... просто прогляпил перестроение русских кораблей и по чистой случайности умудрился в ходе серии поворотов ускользнуть из заведомо разгромного положения. Тут на руку японцам сыграли и устаревшие боеприпасы Тихоокеанской эскадры: они взрывались далеко не всегда и чаще всего напоминали «снаряды» древних катапульт.

В общем, что на самом деле повлияло на исход сражения японского и русского флота у острова Цусима, неизвестно. Сумеют ли военные историки когда-нибудь досконально объяснить происшедшее, или исход боя так и останется среди неразрешимых загадок истории? Время покажет...

Кто «заказал» Франца Фердинанда?

Как известно, вскоре после убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда началась Первая мировая война, в результате которой погибли миллионы. Виновники этого преступления были арестованы и понесли

наказание. Но вопрос о том, кто же стоял за этим убийством, до сих пор остается открытым. Уж очень много было заинтересованных в разжигании мировой бойни...

Многие обстоятельства покушения в Сараево, которое послужило поводом для начала Первой мировой войны, до сих пор остаются загадкой. Те, кто владел информацией, давно ушли в мир иной. И прав был тогдашний премьер Великобритании Эдуард Грей, который заявил: «Миру, вероятно, никогда не будет сказано о подлинной причине убийства эрцгерцога Франца Фердинанда. Судя по всему, у нас никогда не будет ни одного человека, который бы знал все, что надо было бы знать».

Принято считать, что виновницей Первой мировой войны была Германия, ведь Австро-Венгрия уже начала склоняться к переговорам. Ну, а какова роль Туманного Альбиона? Позиция Великобритании в еще не начавшемся конфликте была уникальной. Именно ей предложили участники конфликта стать третьей стороной. И именно от ее желания и воли во многом зависело, начнется война или нет. Ведь по — настоящему никто не стремился к крупномасштабным столкновениям. Но если исходить из того, что у Англии нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы, то ясно, что

именно ей было выгодно столкнуть лбами русско — французский союз с германским и, не вступая в боевые действия, ослабить своих конкурентов на европейском континенте. Англичане при вступлении в Антанту подписали только морскую конвенцию, защищавшую их интересы на море, а это вовсе не обязывало вести боевые действия на суше.

Война — это, по сути, величайшее преступление. А в любом преступлении следует искать того, кому оно выгодно. Об отношении к войне Англии уже сказано. Но, как минимум, существовали еще четыре группы заинтересованных в убийстве наследника австро-венгерского престола: сербские националисты, мечтавшие в ходе войны создать Великую Сербию; Россия, стремившаяся, отеснив австрийцев, утвердиться на Балканах; вездесущие масоны, призывавшие к низвержению тронов, и русские революционеры, преследовавшие свои цели. К этому стоит добавить политические амбиции сильной партии венгров, которая упорно противодействовала федерализации Австро-Венгрии, к чему склонялся наследник Габсбургов эрцгерцог Франц Фердинанд.

Политическая обстановка, сложившаяся в Европе к 1914 году, напоминала гнойный нарыв, который вот-вот должен был лопнуть. Хищно

затаились готовые вцепиться друг другу в глотку Франция, Германия, Австрия, Венгрия, Англия и балканские страны. Казалось, что все вокруг только и ждали благовидного предлога для нападения друг на друга. Особенно тревожно было на Балканах. Предгрозовую обстановку здесь связывали с поведением сербов, которые словно сами напрашивались на большую войну. У Австрии нашлось немало сторонников, которые приводили вроде бы веские основания не доверять сербам. Резюмируя их, английский журналист Гамильтон писал: «Австрия имеет немало причин для подозрительного отношения к сербам. В самом деле, приятно ли иметь соседа, бегающего под твоими окнами с ножиком в руках и распевającego с утра до вечера о том, что в Дрине вода течет холодная, а кровь у серба слишком горячая».

К тому времени австрийский император Франц Иосиф был уже слишком стар, чтобы крепко держать кормило власти в своей многонациональной державе. Он практически оставил дела и больше заботился о себе лично. Еще в 1898 году император разделил со своим племянником Францем Фердинандом верховное командование австрийской армией. Он явно готовился к передаче власти своему единственному наследнику, хотя откровенно не любил его. Тот платил ему той же монетой, с явным нетерпением

ожидая ухода престарелого императора с политической арены.

Надо заметить, что неприязнь к Францу Фердинанду испытывал не только его царственный родственник. В Австро — Венгрии он был окружен всеобщей ненавистью. Даже люди, относившиеся к эрцгерцогу благосклонно, писали о нем: «Нельзя отрицать в нем ярко выраженного эгоиста и той жестокости, которые отнимали у него интерес к чужим страданиям... Горе всем тем, кого он преследовал своей ненавистью!» Особенно ненавистны Францу Фердинанду были венгры. И все же главную угрозу империи Габсбургов он видел прежде всего в сербах, давно мечтавших о независимой Великой Сербии. Поэтому радикально настроенным сербским националистам он недвусмысленно дал понять, что им стоит умерить свои аппетиты. С тех пор австрийский наследник стал притягательной мишенью для всех тайных обществ. Сербы повторяли как молитву: «Австрия сама давно съедена червями, а наследника престола скоро съедят могильные черви...»

В этой обстановке Европу стали наводнять всевозможные мистические слухи и пророчества. Так, немецкий профессор Рудольф Мевес разработал оригинальную теорию, согласно которой в истории человечества события повторяются с последовательностью, схожей с

годовой цикличностью земных катаклизмов. Он предсказал, что в 1904 году разразится война в Азии (Русско-японская война), а после этого войны будут сотрясать Европу вплоть до 1933 года. Затем в мир явится сам Великий Сатана (именно в 1933 году на политическую арену вышел Гитлер). Удивительно, но почти все так и произошло. Среди лавины пророческих высказываний, в частности, было и предсказание, касающееся династии Габсбургов. Молва передавала из уст в уста, что эрцгерцог Франц Фердинанд якобы не займет престола империи: «Ему суждено умереть на ступенях трона...»

Это пророчество сбылось жарким утром 28 июня 1914 года, когда в боснийский город Сараево прибыл наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд с супругой. Их приветствовали многотысячные толпы народа. Но, несмотря на это, по пути следования кортежа было расставлено совсем немного австрийских солдат, а в самой толпе находилось всего 120 полицейских. И в этой же толпе стояли шестеро юных террористов, боевиков организации «Молодая Босния». Четверо из них не решились действовать, а пятый, 19-летний Неделько Габринович, все же бросил в проезжающий автомобиль эрцгерцога бомбу, но она взорвалась под машиной сопровождения, ранив личного адъютанта наследника. Увидев это,

террорист проглотил яд, который почему-то не подействовал, а затем бросился в речку, из которой его выловили и арестовали. Услышав взрыв, товарищ Габриновича Гаврил о Принцип, которому тоже только исполнилось 19 лет, решил, что дело сделано, и направился в кафе отпраздновать это событие. А Франц Фердинанд благополучно добрался до ратуши, где выступил с кратким приветственным словом, а затем поехал в госпиталь навестить раненого адъютанта. И надо же было такому случиться, чтобы его машина проезжала мимо кафе, из которого выходил Принцип. Он вспомнил о том, что поклялся убить наследника австрийского престола и, подбежав к автомобилю, успел дважды выстрелить. Обе пули достигли цели: одна пробила воротник мундира эрцгерцога, шейную артерию и застряла в его позвоночнике, вторая попала в плотный корсет эрцгерцогини. Жена Франца Фердинанда умерла первой, сам он прожил на десять минут дольше. Террориста схватили на месте преступления. Но он еще успел принять яд, который тоже не подействовал. Вот как вспоминала в 1994 году об этом ужасном событии 102-летняя чешка Хелена Навратилова-Плешутова, которая в группе гимназисток наблюдала за прохождением кортежа высокого гостя: «...Автомобиль эрцгерцога неожиданно остановился почти напротив нашей группы. Мы

были изумлены. В нескольких шагах от нас молодой человек в темной одежде вынул из кармана револьвер и начал стрелять в направлении автомобиля.

Наступило общее замешательство, люди с криками побежали в разные стороны. Никогда не забуду все увеличивавшегося кровавого пятна на белом платье эрцгерцогини. И свой ужас <...> Я видела, как полицейские волокли по земле покушавшегося. Его лицо было бледным. Вечером я боялась выйти из дома. По улицам ездили патрули конной полиции, весь город был охвачен страхом. Звонили колокола всех церквей. Мусульмане и хорваты вышли на улицы с портретами убитого Франца Фердинанда, кричали: «Долой сербов! Долой банду убийц!»»

Суд над 24 арестованными и обвиняемыми по делу об убийствах и покушениях открылся в окружном суде Сараево 12 октября 1914 года, а 23 октября судьи вынесли вердикт. Принцип, Габринович и Грабец были признаны виновными в убийстве и государственной измене, но поскольку им еще не исполнилось 20 лет, то смертную казнь применить к ним не могли. Все они получили максимальный срок заключения — по 20 лет каждому — и умерли в тюрьме еще до окончания войны, в разжигании которой сыграли далеко не последнюю роль.

Как ни странно, о готовящемся покушении на эрцгерцога в Белграде знал чуть ли не каждый. Это покушение упоминалось в программе целого ряда националистических организаций Сербии, видевших именно в наследнике престола главное препятствие на пути создания Великой Сербии. К ним относились «Омладины», «Народная оборона» и «Черная рука». Подготовка к теракту началась еще в 1913 году. Об этом были прекрасно осведомлены в Вене, об этом сообщала и австрийская тайная полиция, и сербское правительство. В марте 1914 года стало известно, что Франц Фердинанд прибудет в Боснию (она тогда входила в состав Австро — Венгрии) на маневры. И тогда же «Молодая Босния» вынесла эрцгерцогу смертный приговор как врагу славянства и приступила к подготовке покушения. Но Таврило Принцип, Неделько Габринович и Трифко Грабец — бедные студенты из самых глухих провинций Боснии — вряд ли были увлечены идеей создания Великой Сербии. Скорее всего, они просто до глубины души ненавидели Австрию.

Эти юнцы не ведали, что эрцгерцог уже склонялся к идее триализма, т. е. предоставления автономии южным славянам, и пытался на этой почве найти общий язык с Николаем II. Он не терпел русских, но говорил: «Я никогда не поведу

войны против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий... Если мы предпримем что-то против Сербии, Россия встанет на ее сторону...» Так кому было выгодно его убийство?

Молодые террористы были фактически пешками в чужой игре. За их спинами скрывалась такая мощная фигура, как полковник Драгутин Дмитриевич, более известный как полковник Апис (шеф сербской разведки). Он возглавлял сербское тайное общество «Черная рука». Члены этой организации мечтали о Великой Сербии и стабильности на Балканах, и автономия славянских народов в составе Австро-Венгрии не входила в их планы. Сербские офицеры, входившие в эту организацию, уже имели большой опыт по организации переворотов и терактов. Так, в ночь с 28-го на 29 мая 1903 года они ворвались в королевский дворец и устроили там страшную резню, во время которой были убиты король Александр, королева и несколько их приближенных. В результате этого переворота к власти пришла династия Карагеоргиевичей, которые ориентировались на Францию. После этого воодушевленное успехом руководство «Черной

руки» стало активно создавать сеть тайных просербских организаций. Одной из них стало «Объединение или смерть», тесно связанное с сербской организацией Боснии и Герцошвины под названием «Молодая Босния». Вступившие в него Г. Принцип и его товарищи дали клятву в письменном виде, подписав ее кровью. Они знали, что ее неисполнение каралось смертью, но им очень хотелось принять участие в «большом деле». Террористы прошли подготовку под руководством Аписа. Их обучали стрельбе по движущимся мишеням, метанию бомб, затем снабдили оружием и цианистым калием (это оказалось ложью) и переправили из Сербии в Боснию. Поначалу они отсиживались в доме Данила Илича, редактора социалистической газеты «Звоно» («Колокол»). Вскоре к ним присоединилась еще одна группа террористов. Так судьба человечества в 1914 году оказалась в руках одного человека — вождя «Черной руки» Дмитриевича-Аписа.

Дальнейшее известно: австрийский ультиматум Сербии и война. В бойню оказалась втянута и Россия, отнюдь не готовая к широкомасштабным военным действиям. Однако бросить славянскую Сербию на произвол судьбы она не могла, поскольку это угрожало утратой влияния на Балканах. Здесь возникает вопрос, знал ли Николай II о том, что готовится в Сараево? По

некоторым данным, военный агент (атташе) в Белграде В. А. Артамонов и посол Н. Г. Гартвиг были осведомлены о подготовке теракта и даже способствовали этому. Это вытекает из показаний Дмитриевича в суде² (полковник был арестован в Сербии в 1917 г.). Мало того, решающее значение в покушении сыграло разведывательное донесение, поступившее Артамонову из русского Генштаба и переданное затем Дмитриевичу. В нем говорилось о свидании кайзера Вильгельма II с Францем Фердинандом в Конопиште и о якобы предстоящем нападении Австро-Венгрии на Сербию (заметим, об этом речь на встрече не шла). Интересно, что накануне покушения, 21 июня, Артамонов убыл с семьей на отдых в Швейцарию. Очень хорошее алиби! Уже через два дня после покушения Россия предприняла меры по вооружению сербской армии, выделив 120 тысяч винтовок, миллион патронов, пушки и снаряды. Короче говоря, русская разведка и дипломаты обязаны были доложить в Петербург о планах «Черной руки», но то ли не посчитали

² Всю ответственность за покушение на Франца Фердинанда и его супругу взял на себя Драгутин Дмитриевич. В письменных показаниях военному трибуналу он признался в том, что был тайным вдохновителем преступления.

нужным, то ли доклад уже в столице был положен под сукно.

Дмитриевич был причастен не только к сараевскому убийству, но и ко многим другим террористическим актам. К тому же он знал слишком много тайн сербского сопротивления и потому был опасен вдвойне. А такие люди, как известно, долго не живут. В декабре 1916 года сербский принц-регент Александр, опираясь на тайную организацию «Белая рука» во главе с полковником Петром Живковичем, арестовал Дмитриевича. А в конце мая — начале июня 1917 года военный суд в Салониках приговорил легендарного Аписа к расстрелу. Но о том, кто же все-таки «заказал» ему убийство Франца Фердинанда — Париж, Берлин, Вена, Будапешт или Белград, — тот так и не сказал.

В деле о сараевском убийстве есть еще один след — масоны, эти ниспровергатели тронов. Некоторые эксперты считают, что идея покушения на эрцгерцога принадлежала не Дмитриевичу, а сербскому министру и масону, одному из создателей организации «Черная рука» Любе Чупе. О масонах заговорили уже во время допросов убийц, о чем свидетельствуют стенограммы. Кстати, Габринович, неудачно бросивший бомбу в автомобиль эрцгерцога, тоже был масоном.

Интересен еще один маленький нюанс. «Черная рука» через своего представителя Габриновича осуществляла контакты с русскими революционерами, особенно с Луначарским, Мартовым и Троцким. Очевидно, эту тайну пытался открыть на московском процессе 1937 года Карл Радек, когда заявил: «Я хотел бы также рассказать о тайне войны... Одна часть этой тайны была в руках молодого сербского националиста Принципа, который предпочел умереть в тюрьме, но не открыть ее...» Но договорить Радеку не дали... Как бы то ни было, а русские революционеры умело воспользовались плодами войны. Не стоит забывать, что в результате выстрелов, прозвучавших в Сараево, Европа была ввергнута не только в пучину войны, но и революций, которые стоили престолов сразу трем династиям — Габсбургам, Гогенцоллернам и Романовым.

Что ж, следует признать, что вряд ли когда-нибудь будет найден определенный заказчик сараевского убийства. Ведь им могли оказаться не просто отдельные люди или тайные организации, но и целые государства. Остается лишь добавить, что известие о гибели Франца Фердинанда не вызвало в европейских странах скорби. Даже в самой Австро-Венгерской империи ни венгры, ни славяне, ни сами немцы слезинки не пролили. Напротив, в кругах высшего света воцарилось

веселье. Гулянье на Пратере не отменяли, на улицах Вены звучала музыка. А внук императрицы Марии Луизы (второй жены Наполеона I), маркиз Монтенуово, даже откровенно заявил: «Нам давно нужен был предлог, чтобы поставить Сербию на место — в углу на коленях, и Франц Фердинанд дал нам его, а теперь его задача в этом мире окончена».

Непростое дело полковника Редля

Одним из самых загадочных и громких скандалов во время Первой мировой войны было разоблачение полковника Генштаба австрийской армии Альфреда Редля, который в течение 12 лет работал на Россию. В деле полковника было много странностей и нестыковок. И до сих пор историки ведут споры и дискуссии о том, как мог столь опытный, хитрый шпион проколоться на мелочи.

Сегодня австрийский полковник Генштаба Альфред Редль представляет собой одну из культовых политических фигур в истории трагедий XX столетия. Он действительно был гениальным разведчиком. Столь беспрецедентный в истории старой австрийской армии факт государственной измены элитного офицера, занимавшего такую важную должность, послужил сюжетом для множества книг и фильмов, хотя в них историческая правда очень часто была искажена. История Редля увлекала многие умы — от писателя Стефана Цвейга до кинорежиссера Иштвана Сабо, однако в их произведениях почти ни одна деталь не соответствует действительности.

Громкое дело Альфреда Редля началось с банального письма. В конце апреля 1913 года на почту в Вене пришло два (по другим источникам —

все-таки одно) письма, отправленные на главпочтамт до востребования. Судя по штемпелю, они были посланы из Айдукунена в Восточной Пруссии, что неподалеку от русско-немецкой границы. В одном конверте находились банкноты на 6 тысяч австрийских крон, в другом — на 8 тысяч. В принципе, ничего необычного, но к деньгам не прилагалось никакой сопроводительной записки, и это вызвало подозрение цензора. К тому же Айдукунен был небольшой пограничной станцией, хорошо знакомой шпионам всех национальностей. Подозрительный конверт был переслан в полицию, оттуда — в разведбюро. За почтой тут же установили наблюдение спецслужбы. Через несколько дней некий штатский господин явился за конвертами. Ловушка захлопнулась. Почтовый служащий сообщил в полицию о таинственном получателе, но арестовать его сразу не удалось, так как господин в штатском успел быстро вскочить в такси и уехать. Однако, допросив водителя, удалось выяснить, куда он отвез таинственного пассажира. Кроме того, в салоне машины были найдены обрывки почтовых квитанций и футлярчик от ножа. Таинственную личность установили очень быстро. Когда полковник Редль, приглашенный в полицейский участок для дачи объяснений, увидел на столе свой футляр, он автоматически положил его в карман,

чем в очередной раз подтвердил свою причастность к имевшим место событиям. Хотя, как утверждают некоторые, он сделал это намеренно, так как отдавал себе отчет в том, что дело уже проиграно и разоблачение неизбежно. Вот такое, казалось бы, простое дело. Но это только на первый взгляд. Если присмотреться к событиям внимательней, то становится непонятно, как мог полковник Редль, этот умный и незаурядный человек, допустить такую элементарную ошибку.

Альфред Виктор Редль родился в марте 1864 года в семье старшего железнодорожного инспектора в Лемберге (ныне Львов). Поступил в кадетское училище (предполагают, что с этого же момента начался отсчет лет и его нестандартной сексуальной ориентации, но никаких конкретных сведений об этом не обнаружено). Таинственная сексуальная жизнь Альфреда Редля, остававшаяся секретом почти для всех окружавших его людей, оказывала очевидное влияние на все его поведение. Это, однако, странным образом не мешало его служебной карьере, и, блестяще завершив учебу, он был произведен в кандидаты в офицеры, а в 1887 году назначен адъютантом командира батальона одного из полков лембергского гарнизона. В 1900 году Редль был официально командирован в Россию на курсы русского языка — при пехотном училище в Казани. Это — из сферы взаимных

услуг, оказываемых тогда разведывательными службами русских и австрийцев: все более дружественные отношения между Россией и Австро-Венгрией снижали практический интерес генштабов этих держав к шпионажу друг за другом, поскольку в те годы основные политические интересы России почти целиком сосредоточились на Дальнем Востоке.

Капитан Редль провел в Казани несколько месяцев, привлекая при этом к себе интерес российских разведчиков и контрразведчиков. Но это, казалось бы, не имело никаких последствий: никогда всерьез не поднимался вопрос о его вербовке русской разведкой в этот период. Никаких сведений и даже намеков на возможность такой вербовки не высказывалось тогдашними российскими и австрийскими разведчиками и контрразведчиками, ничего подобного не обнаружено и позднее в архивах обеих держав.

В 1892 году молодой Редль прошел сложнейший конкурс на поступление в Академию Генерального штаба, которую вскоре окончил с отличием. Некоторое время он служил в транспортном отделе Генерального штаба — и с этого времени фактически специализировался на разведывательной деятельности, конкретно — на России.

Теперь стоит сказать несколько слов об отношениях Редля с Артуром Гизлем. Утверждение С. Цвейга о том, что Редль являлся доверенным лицом наследника престола, имеет под собой веские основания. Этому способствовал Артур Гизль, который не только имел безупречное аристократическое происхождение, но и умел обзаводиться личными связями. С 1887 года он был адъютантом наследника престола, эрцгерцога Рудольфа — сына императора Франца Иосифа. Он сумел стать его ближайшим другом и доверенным лицом. В 1890-х годах Гизль служил в Лемберге, где и познакомился с Редлем. Возглавив с 1898 года Эвиденцбюро — отдел разведки и контрразведки Генерального штаба, — он перетащил туда в 1899 году и Редля и привлек его к работе в центральном аппарате разведки. Вскоре тот стал главой агентурного отдела Эвиденцбюро, который отвечал как за агентурную разведку, так и за контрразведку. На этом посту Редль проявил себя как сильный администратор и талантливый организатор, полностью реорганизовав структуру контрразведки и сделав ее в одной из мощнейших спецслужб австро-венгерской армии. К примеру, он приказал оборудовать комнаты для посетителей только что изобретенным фонографом, что позволяло записывать на граммофонную пластинку, находящуюся в соседней комнате, каждое слово

приглашенного для беседы и не подозревающего об этом человека. Кроме того, с его подачи начали устанавливать скрытые фотокамеры, на которые тайно фотографировали всех посетителей. О подобных съемках скрытой камерой, широко распространившихся впоследствии, мало кто знал в те времена, поэтому даже опытные профессиональные разведчики не опасались подобной угрозы и не старались соблюдать надлежащую осторожность — это явилось блестящей находкой Редля. Он также немало усилий приложил к организации контроля над почтовой корреспонденцией, что, по иронии судьбы, в конце концов сыграло роковую роль в его собственной судьбе.

Подробно отследить карьеру Редля в Эвиденцбюро не представляется возможным ввиду его периодических перемещений на службу в армейские части и соединения — эти так называемые цензовые замещения должностей были необходимы для бесперебойного получения очередного воинского звания: согласно правилам, действовавшим тогда и в Австро-Венгрии, и в Германии, и в России. Невозможно было продвигаться по служебной лестнице без обязательного прохождения четко определенных ступеней армейской службы. Так, Редль, получивший звание майора в 1905 году, служил в

ноябре того же года начальником штаба бригады, дислоцированной в Вене, а в 1907 году был уже назначен подполковником и заместителем начальника Эвиденцбюро.

Примерно в это время центр русской охраны поручает своему агенту Августу Пратту собрать компромат на Ре для. Когда агенту становится известна гомосексуальная связь Редля с молодым офицером, он решает использовать эти сведения в целях шантажа. Кроме того, за сотрудничество с русской разведкой австрийцу было предложено немалое ежемесячное вознаграждение. У Редля не оставалось выбора. Ему пришлось согласиться. И в этот момент Редль делает очень умный ход: помимо гонорара, он выдвинул требование, чтобы русская секретная служба время от времени направляла ему в Австрию «агента на сдачу», удачное разоблачение которого он мог бы приписывать работе своего отдела. Этим приемом он затем пользовался в течение нескольких лет. Итак, Редль продавал России ценные сведения, а русская разведка снабжала его агентами, которых он блестяще «разоблачал», повышая свой престиж.

Редль сыграл решающую роль в провале австрийской агентурной сети в России. Более того, его действия практически парализовали австрийскую контрразведку. Но, несмотря на провалы, никому и в голову не приходило

заподозрить в предательстве нашего героя — настолько он был искусен и осторожен. Правда, из-за вдруг открывшихся возможностей он начал жить на широкую ногу. Благодаря крупным гонорарам, этот некогда полунищий, подолгу не вылезавший из долгов офицер становится завсегдатаем дорогих ресторанов, передвигается исключительно в лимузинах с шофером, держит роскошных верховых лошадей, живет в шикарном особняке, не скупится на содержание своего возлюбленного Штефана Хоринке. Но чтобы не вызывать ненужных подозрений такой разительной переменой в своем образе жизни, Редль распространил слух о смерти богатой тетки, якобы завещавшей ему крупное наследство, хотя всем было известно, что его брат, скромный чиновник, едва сводил концы с концами. Русская разведка щедро вознаграждает своего агента: в отдельные годы он получает суммы, превосходящие годовой бюджет всего разведбюро австрийского Генштаба.

Редль продолжал подниматься по служебной лестнице. В мае 1912 года ему присвоили звание полковника, а в октябре повысили и перевели в Прагу на должность начальника штаба 8-го армейского корпуса, хотя неофициально он остался сотрудником разведбюро. Теперь Альфреду было сложнее встречаться со связными, которых направляла русская разведка, поэтому большинство

заданий и денежные переводы из соображений безопасности стали пересылаться по почте. Пойдя на это, Редль допустил роковую ошибку: ведь вся корреспонденция просматривалась, тайна переписки не соблюдалась. Как мог Редль, который сам организовал контроль над почтовой корреспонденцией, забыть об этом? Возможно, он надеялся, что ему будет везти во всем и всегда. Но на этот раз фортуна отвернулась от него, хотя все же дала ему шанс ускользнуть: если бы он, после того как не забрал сразу — забыл или поленился, — не стал бы получать этих денег, его бы так и не раскрыли. Полковника сгубила ненасытная жажда денег и пристрастие к роскошной жизни.

Первым, кто более или менее подробно рассказал о «деле Редля», стал полковник Вальтер Николаи, который занимал пост начальника разведывательного отдела германского Генштаба накануне Первой мировой войны. Будучи хоть и косвенным, но все же участником имевших место событий³, он описывает их в своей книге «Тайные силы», вышедшей в Лейпциге в 1923 году. Его

³ Существует мнение, что письмо с деньгами было перехвачено в Берлине еще на пути в Вену, и попало к Николаи. А тот уже отправил его в Вену. Это достаточно разумное предположение.

версию, со своей стороны, уточняет Макс Ронге, офицер австрийского Генштаба, начальник разведбюро до конца мировой войны, в книге «Война и индустрия шпионажа» (в русском переводе — «Разведка и контрразведка») и А. Урбански в своих мемуарах. И хотя все три рассказа разительно не совпадают в мелочах, по ним все же возможно приблизительно реконструировать примерный ход событий.

Николаи сообщил сведения, подхваченные затем множеством исследователей и писателей: в конверте не было никакого сопроводительного письма! Притом он добавил, что там лежала крупная сумма в русских рублях, а не какие-то там кроны или марки. Что ж, возможно, именно это обстоятельство и вызвало подозрение сначала у Николаи, а потом у его австрийских коллег.

Николаи не указывает, сколько в точности там было денег, но, очевидно, вполне достаточно, чтобы сделать правильный вывод: письмо указывало на крупное шпионское дело. Исходя из тогдашнего соотношения рубля и кроны (1 рубль равнялся приблизительно 2,7 кроны), можно догадаться, что в конверте было от двух до трех тысяч рублей. Но это только предположение, эта сумма никогда и никем в точности не указывалась.

Наряду со свидетельствами Николаи и Ронге, чрезвычайно важны воспоминания

непосредственного начальника последнего, полковника Августа Урбански фон Остромиц, возглавлявшего в 1909–1914 годах разведывательный отдел австро-венгерского Генерального штаба — Эвиденцбюро. Мемуары Урбански были опубликованы в Мюнхене в 1931 году. (Они никогда не издавались на русском языке, но широко цитировались русскоязычными авторами.) Его утверждения весьма оригинальны: он упоминает два письма, настаивая, как и Николаи, что никакого сопроводительного послания не было, но сообщает, как и Ронге, что там находились деньги в австрийских кронах, а сразу вслед за этим приводит фотокопии одного конверта и одного письма, вложенного в этот конверт. Позже этот текст, единственный опубликованный целиком из всего, что якобы поступало на имя Никона Ницетаса (на это имя Редль получал деньги), неоднократно воспроизводилось на разных языках.

На вложенном листе бумаги было набрано по-немецки на пишущей машинке:

«Глубокоуважаемый г. Ницетас.

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г. Ницетас,

препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы.

Уважающий Вас И. Дитрих.

Р. 8. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборггате, № 1, Элизе Кьерили».

Стоит ли доверять этому документу? Почему участники этого дела так расходятся в показаниях (количество писем или их отсутствие, рубли или кроны и т. д.) Как же все обстояло на самом деле?

То, что не все так просто в деле Редля, подтверждает и одно интересное обстоятельство.

Выход книги Николаи в 1923 году вдохновил бывшего полковника российского Генерального штаба и руководителя разведки Варшавского военного округа Батюшина собрать нечто вроде научно-теоретического семинара по актуальным вопросам истории разведки и контрразведки. Этот семинар он «собрал» из себя самого и двух своих основных довоенных оппонентов — Николаи и Ронге.

В январе 1924 г. состоялась встреча «трех китов» руководства спецслужб начала XX в. — Макса Ронге, Вальтера Николаи и Николая Батюшина. Она не протоколировалась, ведь

разведки умеют хранить свои тайны. Однако в дневниковой записи Вальтера Николаи сохранилось краткое описание этой встречи. Она проходила по просьбе Н. С. Батюшина. «Встреча была назначена на середину января 1926 г. в Вене, — пишет Николаи. — На второй день на нее прибыл также бывший шеф австрийской службы разведки Макс Ронге, в настоящее время он работает на важном посту в министерстве внутренних дел, это назначение он получил в качестве награды за свои заслуги в войне». О чем именно говорили «три кита» европейской разведки, мы не узнаем никогда. Но, несомненно, они не могли не затронуть дела Редля.

Громкое дело полковника Альфреда Редля закончилось предсказуемо и печально. Поздним вечером 25 мая 1913 года в отель, где он остановился, прибыла комиссия в составе заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора Хефера, начальника разведбюро полковника фон Урбански, руководителя агентурной группы майора Ронге и старшего военного прокурора Ворличека. Дверь в номер без сопротивления открыл сам Редль, который, конечно, уже знал, с чем связан этот поздний визит. Как раз перед этим он успел закончить прощальные письма брату и командующему корпусом. Редль сказал вошедшим: «Господа, я знаю, зачем вы